Одра слегка улыбнулась. Она почти не сомневалась в том, где, по его предположению, должно было находиться это место. Она чувствовала, как его глаза жадно пожирают ее белое тело, задерживаясь на пухлых грудях и попке. Любуясь ее длинными ногами и мягкими губами. Её определенно возбуждало то, что на нее смотрят так бесцеремонно и с таким явным желанием.

Одра усмехнулась, садясь. — Боюсь, что нет, Рафаэль. Мне слишком нравится быть независимой.

То, что даже Рафаэль принял ее увольнение из ЦРУ за чистую монету, означало для нее большие перспективы. Если мужчины считали ее независимой, это открывало множество дверей.

Она скрестила руки на столе, наклонившись вперед, груди угрожали выскочить из-под топа.

— Я ищу кое-какую информацию, Рафаэль.

— Ах. Так сразу… к делу, — вздохнул Рафаэль, прижимая руку к сердцу. — И после стольких лет без твоего милого присутствия? Ах, моя дорогая. Ты так жестока ко мне.

— Да, Рафаэль, я жестокая женщина. Но я тороплюсь. — Она сунула руку в сумочку и нашла фотографию из папки. Она бросила его через стол. — Выглядит знакомо?

Толстые пальцы Рафаэля подняли фотографию. Он осмотрел его. Его белая шляпа затеняла загорелое лицо, когда он задумчиво поглаживал свои маленькие усики. — Хм… Уродливое лицо. Жестокий тип, моя дорогая. Я не видел этого человека. Но, возможно, я что-то слышал. Слышал об одном человеке, обладающем очень ценной информацией. Информация, которую он намерен продать на рынке, который состоится в ближайшее время.

Одра втянула в себя воздух. Рынок. Идеально! Регулярную встречу контрабандистов и незаконных покупателей часто посещали самые разные люди, и это был счастливый день, когда рынок проходил без того, чтобы кого-нибудь не ограбили, унизили, убили или всё вместе. За эти годы она побывала на нескольких рынках, принадлежащих различным контрабандным группировкам. Это был бы идеальный шанс.

— Но потом, — добавил Рафаэль, положив руки на живот, его глаза блестели в тени, отбрасываемой шляпой. — Я должен спросить, сколько мне заплатят за такую ценную информацию?

— Ты же знаешь, что у меня не так много денег, — сказала Одра, и ее сердце слегка затрепетало. Флирт Рафаэля всегда был в его стиле, как и его попытки втянуть ее в сделку. Но она никогда не торговала своим телом до такой степени. По крайней мере, не для него. — Но я могу получить двадцать тысяч за двадцать четыре часа.

Рафаэль драматически вздохнул, снова откинувшись в кресле. Но что-то в нем изменилось. Она почувствовала это. Увидела это в медленном, ленивом покачивании его головы. В его мимике появилась абсолютная уверенность и веселое отчаяние. Ее сердце сжалось, когда она поняла, что этого будет недостаточно.

— Ах, моя роза пустыни, — вздохнул Рафаэль. — Это было бы слишком поздно. Действительно, рынок будет завтра. Но завтра, рано утром, прежде чем дневной свет осмелится засиять. И хотя я не сомневаюсь, что ты хороша для этого, правда остается правдой: были… вопросы, касающиеся твоего последнего платежа.

Одра вспыхнула. Да. Она живо вспомнила это.

Она не боялась его. Он не причинил бы ей вреда, по крайней мере, без веской причины. Он был джентльменом по-своему. Но для других он был свирепым. Он одурачил многих своими грандиозными жестами и веселым поведением, но он был пожилым человеком. А в бизнесе контрабанды не так уж много мужчин доживают до старости.

Нет, она не боялась его. Но было в нем что-то такое, чего она боялась. Что-то, что она никогда не могла точно определить.

Теперь она увидела это снова. Легкая уверенность, которой он обладал. В этом была странная привлекательность.

Она почувствовала, как что-то откликнулось в ней. Тосковать по грузному пожилому арабу? Она встала. Она могла уйти.

Он не стал бы ее останавливать. Он будет торговаться, уговаривать и торговаться, но никогда не заставит ее. Ей не нужно было этого делать. У Алистера, вероятно, все было под контролем.

Алистер.

Воспоминание о другом агенте, веселом, невероятно умном и быстром, заставило ее кровь закипеть. Нет. Она не позволит ему победить! Внезапное безрассудство охватило ее.

— Я никак не смогу получить деньги за это время, — сказала она, медленно двигаясь вокруг стола, покачивая бедрами в такт шагам. Она чувствовала на себе его взгляд. Любопытный, удивленный, но пристально следящий за ней. Ее сердце забилось немного быстрее. Ее кровь согрела ее. Подойдя к нему сзади, она коснулась его широких плеч, нежно массируя их. — Ты мог бы помочь мне в этом, Рафаэль, и мы могли бы быть командой. Ты мог бы пойти на рынок и придумать прикрытие. И я была бы тебе очень благодарна. — Она погладила одной рукой его по затылку, позволяя ему почувствовать ее ухоженные ногти.

Рафаэль замурлыкал, трепеща под ее умелым прикосновением. Довольный рокот вырвался из

его груди. — Ах, моя дорогая. Ты многого просишь. Не только моя помощь, но и моя репутация, чтобы вывести тебя на рынок? И все на доверии, ты точно знаешь, что деньги придут?

Она наклонилась вперед, прижалась губами к его уху и прошептала: — Некоторые платежи можно произвести прямо сейчас. — Ее руки скользнули от его плеч вниз, ощущая жесткие волоски на груди сквозь светлую ткань куртки. — Я понимаю, что прошу о многом. Я думаю, что я того стою, Рафаэль. Не так ли?

Его дыхание стало глубже, когда она прикусила мочку его уха. — Ах, — вздохнул он. — Моя дорогая. Ты жестока к этому старику. Если бы моя жена знала, как ты меня соблазняешь, она бы никогда не позволила мне выйти из дома, опасаясь, что я снова найду тебя. И я действительно пересек бы моря ради прикосновения твоей бледной плоти ко мне.

— О? — пробормотала Одра, ее пальцы расстегнули его рубашку, обнажая первые дюймы его волосатой груди.

— Но разве это не стоило бы того, мой могущественный шейх? — Она прижалась грудью к его спине, ее мягкие холмики прижались к нему. Ее пальцы пробегали по спутанной гриве на его груди. — Что тебе нужно для заключения этой сделки, Рафаэль?

— Хм, — промурлыкал старый араб, его рука поглаживала ее ногу. — Ах, моя дорогая, но что такое деньги для старика? — размышлял он, расслабляясь под умелыми прикосновениями ее рук. — Когда он должен проводить свое время в холодной постели долгими ночами, лежа рядом с женщиной, которая презирает его прикосновения и привязанности. Мог ли он не желать воспоминаний? Ах, — он снова вздохнул. — Да, воспоминания. Воспоминания свежи, как цветущие цветы. Садись. — Он повелительно похлопал себя по коленям. — Давайте обсудим условия как друзья.

http://tl.rulate.ru/book/2024/56439